

ИДЕЯ ПРОМЕТЕИЗМА И ОТРАЖЕНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ЕВГЕНИКЕ В «ПУТЕШЕСТВИИ МОЕГО БРАТА АЛЕКСЕЯ В СТРАНУ КРЕСТЬЯНСКОЙ УТОПИИ» А.В. ЧАЯНОВА¹

Н.В. Михаленко

Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН

Аннотация: Роман «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» известного экономиста, политического деятеля и автора цикла мистических повестей А.В. Чаянова связан с теургическими, человекобожескими представлениями и евгеническими теориями начала XX века. В крестьянской утопии нашли практическое применение идеи евгеники, там проводится искусственный отбор и «терапия неудавшихся жизнью», государство не дает «загертаться ни одному таланту», причем труд каждого человека мотивирован и обусловлен потребностями всего общества в целом. Евангельская притча о талантах получает здесь гиперболическую трактовку – чтобы человек мог максимально реализовать свои способности и возможности, он лишается свободы выбора. «Прометей» А.Н. Скрябина, ставший государственным гимном, а также лейтмотивная символика Вавилонской башни, вводимая в текст посредством описания картин, которые схожи с работами Питера Брейгеля Старшего, свидетельствуют об опасности теорий, провозглашающих равенство человека божеству.

Ключевые слова: А.В. Чаянов, Питер Брейгель Старший, утопия, прометеизм, евгеника, теургия, человекобожество, Вавилонская башня.

В «Путешествии моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» известного экономиста А.В. Чаянова получили отражение теургические и прометеистические темы и мотивы, которые были предметом обсуждения в литературных и философских кругах в начале XX века.

Идеал утопической крестьянской страны Чаянова тесно связан с поисками писателей, философов начала XX века. Он схож с «аграрно-патриархальным видением будущего», земного рая у крестьянских поэтов (С.А. Есенин, Н.А. Клюев, С.А. Клычков)². Эти писатели, «защитни-

---

¹ Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 17-18-01432).

² *Солветти К.* Утопия или мегаутопия? // Вторая проза. Trento: Dipartimento di Scienze Filologiche e Storiche, 1995. С. 299.

ки традиционной национальной красоты попытались воссоздать и сохранить в памяти людей фантастический крестьянский космос, где Бог, природа, люди, жнецы, пахари и скотоводы живут в согласии друг с другом»³. По мнению Л.Н. Черткова, Чайнов показал «современный и просвещенный вариант славянофильского идеала России»⁴. Некоторые ученые видят в произведении Чайнова влияние идей евразийства. Исследователь философского контекста русской литературы начала XX века, О.А. Казнина отмечала, что в статье Л.П. Карсавина «Основы политики» («Евразийский временник», 1927) создана близкая чайновскому произведению картина утопического государства⁵.

Утопия Чайнова, сходная с идеями новокрестьян, славянофилов и евразийцев, далека от положительного общественного идеала. Новая страна не только бережно хранит традиционные ценности, но она и применяет «манипулятивные практики, основанные на идее “трансформации” человеческого сознания»⁶ – осуществляет «искусственный подбор и содействует организации талантливых жизней»⁷. По мнению К. Соливетти, «в этой Аркадии обнаруживаются жесткие культурные модели, не слишком отличающиеся от моделей общества образца 1921 года»⁸. Создавая научно-популярное произведение, представляющее собой альтернативу большевистским планам, Чайнов проводит литературный эксперимент с утопической моделью, показывая ее сильные и слабые стороны.

³ Скороспелова Е.Б. Фантастика как способ художественной универсализации // История русской литературы XX века (20–50-е годы): Литературный процесс. М.: Изд-во Московского ун-та, 2006. С. 149.

⁴ Чертков Л.Н. А.В. Чайнов как прозаик // Чайнов А.В. История парикмахерской куклы и другие сочинения ботаника Х. / Под ред. Л.Н. Черткова. Нью-Йорк: Руссика, 1982. С. 39.

⁵ Казнина О.А. Евразийский комплекс идей в литературе // Гачева А.Г., Казнина О.А., Семенова С.Г. Философский контекст русской литературы 1920–1930-х годов. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 246.

⁶ Павлова О.А. Русская литературная утопия 1900–1920-х гг. в контексте отечественной культуры: автореф. дис. ... докт. фил. наук (10.01.01); Волгоградский государственный университет. Волгоград, 2006. С. 11.

⁷ Чайнов А.В. Путешествие моего брата в страну крестьянской утопии // Чайнов А.В. Московская гофманиада / Послесл. В.Б. Муравьева; Примеч. В.Б. Муравьева, С.Б. Фроловой. М.: ТОНЧУ, 2006. С. 263.

⁸ Соливетти К. Утопия или метаутопия? // Вторая проза. Trento: Dipartimento di Scienze Filologiche e Storiche, 1995. С. 313.

В стране крестьянской утопии всестороннее развитие человека стало идеалом. На это направлены все силы общества. Главенствующее внимание уделяется культурному развитию граждан. Утопические жители не только посещают передвижные выставки работ старых мастеров, властителем их помыслов стали «суздальские фрески XII века» и работы реалистов с «Питером Брейгелем как кумиром»⁹. В залах реликвий Румянцевского музея главный герой романа, Алексей Кремнев, видный советский партийный деятель, мистическим образом попавший в страну утопии, видит то, что оберегают люди будущего: «...его поразила комната Пушкина, <...> Ушаковский альбом, листки альбомных стихов, портреты близких, Нащокинский домик и сотни других свидетелей великой жизни»¹⁰. Утопические жители со вниманием относятся к старинной архитектуре. Проезжая по новой Москве, Кремнев видел «очертания знакомых зданий, в большинстве построенных в XVII и XVIII веках»¹¹.

Идея теургии, человекобожества художника начинает звучать уже в разговоре Кремнева с Параскевой Мининой, женщиной из страны утопии. Рассказывая ему о своих живописных предпочтениях – картинах Питера Брейгеля Старшего, Ван Гога, Рыбникова, Ладонова, она говорит, что «искала в искусстве тайны вещей, чего-то или божественного, или дьявольского, но превышающего силы человеческие. Признавая высшую ценность всего сущего, она требовала от художника конгениальности с творцом Вселенной, ценила в картине силу волшебства, Прометееву искру, дающую новую сущность...»¹².

Мотив Вавилона начинает звучать с самого начала пребывания Кремнева в утопическом мире. Оглядывая комнату, где он мистическим образом очутился, герой обращает внимание, что большая часть вещей в ней отличалась «тщательностью своей отделки, какой-то подчеркнутой точностью и роскошью выполнения и странным стилем своих форм, отчасти напоминавших русскую античность, отчасти орнаменты Ниневии. Словом, это был сильно русифицированный Вавилон»¹³.

Одна из картин на стене в комнате изображала людей в «цветных фраках, дам с зонтиками, автомобилями»¹⁴, ее сюжетом служило что-то вро-

⁹ Чаянов А.В. Путешествие моего брата в страну крестьянской утопии... С. 228.

¹⁰ Там же. С. 267

¹¹ Там же. С. 229.

¹² Там же. С. 227.

¹³ Там же. С. 225.

¹⁴ Там же. С. 225.

де «отлета аэропланов, по своей композиции с высоким горизонтом, драгоценным краскам она напоминала классическую вещь Питера Брейгеля Старшего»¹⁵.

Работы нидерландского художника П. Брейгеля (Старшего) (ок. 1525–1569), автора картин на библейские сюжеты, не раз упоминаются на страницах крестьянской утопии. Чайнов интересовался живописью, собрал коллекцию гравюр и издал монографию «Старая западная гравюра» (1926), в которой кратко изложил историю и технику изготовления гравюры, дал расшифровки подписи некоторых художников, а также предложил методику для начинающих собирателей¹⁶. «Всеобщим достояние в утопии стало не массовое, упрощенное, а подлинное искусство, не набор общеизвестных шедевров, а вся сокровищница мирового искусства. Социальный прогресс в утопии заключается в расширении круга лиц, “пьющих из первоисточника культуры и жизни”»¹⁷. Искусство здесь возведено в ранг светской религии.

Вероятно, упоминая Брейгеля, Чайнов хотел напомнить о его картинах «Вавилонская башня» (1563) и «Малая Вавилонская башня» (1564).

На картине «Малая Вавилонская башня» в сумрачном освещении предстают развалины этого колоссального сооружения. В работе «Большая Вавилонская башня» судьба царства, загоревшегося прометеевской идеей равенства Богу, еще не свершилась:

Строители спешат строить башню быстрее и выше, как следствие тому – растет только середина, за которой не успевают достраивать края. Строители тратят много сил на поддержание здания-гиганта, но его разрушает время. Брейгель показывает не грандиозное, масштабно развернутое строительство, а тщетные попытки людей завершить превысившую определенный лимит размера

¹⁵ Там же.

¹⁶ Чайнов дружил с П.П. Муратовым, автором работ «Образы Италии», «Русская живопись до середины XVII века: история открытия и исследования», «Древнерусская живопись: история открытия и исследования». 132-е издание книги Муратова «История живописи на ста страницах» покупают и жители утопического общества. См. об этом: Михаленко Н.В. Влияние личности и творчества П.П. Муратова на художественные произведения А.В. Чайнова // «Свой» vs «Другой» в культуре эмиграции: Сб. ст. / Ред. А.А. Данилевский, С.Н. Доценко. М.: ФЛИНТА: Наука, 2018. С. 56–69.

¹⁷ Чайнов А.В. Путешествие моего брата в страну крестьянской утопии. С. 277.

постройку. Этим ограничением в данном случае стали природа и время¹⁸.

Образ Вавилонской башни служит символом гордыни людей, создавших идеальные условия жизни – город-парк, удобные пути сообщения и средства передвижения, в том числе по воздуху, но забывших о гуманистических началах жизни, о праве каждого реализовать свой талант в меру своих желаний и представлений.

В стране утопии ведется «терапия неудавшихся жизнью», ни одна искра таланта не должна пропасть. Евангельская притча о талантах получается здесь гиперболическое, гротескное истолкование. Люди будущего творят мир и природу своими руками, познав ее законы, они управляют метеорологией, магнитными полями земли. Также они посягают и на роль Творца – исправляют человеческую «породу».

Отголоски замятинского «Мы» слышатся здесь в идее искусственно-го отбора: «Главная идея, облегчившая нам разрешение проблемы, была идея искусственного подбора и содействия организации талантливых жизнью»¹⁹. «Всегда нашим конечным критерием являлось углубление содержания человеческой жизни, интегральная человеческая личность»²⁰. Учтены и решены проблемы человеческих болезней, пороков развития, патологий: «Теперь мы знаем морфологию и динамику человеческой жизни, знаем, как можно развить из человека все заложенные в него силы. <...> теперь не может затеряться ни один талант, ни одна человеческая возможность не улетит в царство забвения...»²¹). Складывается олигархия авгуров духа, которые творят новый мир, посягают на божественную миссию.

Внимание к человеку, его всестороннему развитию, ставит его в центр мира. Внимание к искусству – возможность почувствовать себя соработником Бога – переродилось в желание усовершенствовать природу человека. В этом произведении Чайнов воплотил многие свои экономические, технические, педагогические и футурологические идеи. Но в то же время предостерег от того, чтобы человек, добившись небывалого расцвета всех сфер жизни общества, не посчитал себя равным Богу.

О.А. Павлова, анализируя истоки и особенности утопии начала XX века, отмечала:

¹⁸ Бьянко Д. Брейгель. Сокровищница мировых шедевров. М.: БММ, 2012. С. 121.

¹⁹ Там же. С. 263.

²⁰ Там же. С. 259.

²¹ Там же. С. 264.

Манипулятивные практики, основанные на идее «трансформации» человеческого сознания в заданном идеократом направлении, явились неотъемлемым свойством всех утопических проектов, возникших в России в 1900–1920-е гг. <...> Первым на манипулятивный аспект «программ земного рая» <...> указал Чайнов, запечатлев в «Путешествии...» изощренную тиранию «авгуров духа, людей искусства»²².

Государственным гимном утопической страны стал «Прометей» А.Н. Скрябина. Он исполняется вместе с литургией С.В. Рахманинова на кремлевских колоколах в «сотрудничестве с колоколами других московских церквей»²³. Тема теургических и богоборческих исканий, образ Прометея интерпретировался также в одноименных произведениях В.Я. Брюсова и Вяч.И. Иванова. Для Скрябина Прометей был прежде всего символом, олицетворяющим собой творчество, энергию вселенной, идею становления из хаоса мировой гармонии. Вероятно, крестьянская утопия Чайнова – возможность соединить прометеистические и теургические представления, показать, чем опасно это взаимодействие.

Подобные идеи, вероятно, связаны и с развитием евгеники в конце XIX начале XX века. Основные принципы этой науки были сформулированы английским психологом Фрэнсисом Гальтоном в конце 1863 года. Он предложил изучать явления, которые могут улучшить наследственные качества будущих поколений (одаренность, умственные способности, здоровье). Результаты своей работы Гальтон представил в 1865 году в статье «Наследственный талант и характер» («Hereditary Talent and Character»), более детально они были разработаны в книге «Наследование таланта» («Hereditary Genius», 1869). В 1883 году Гальтон ввел понятие евгеники для обозначения научной и практической деятельности по выведению улучшенных сортов культурных растений и пород домашних животных, а также по охране и улучшению наследственности человека.

В 1916 году Обществом московского научного института был основан Институт экспериментальной биологии. Его организатором был профессор Московского городского народного университета имени А.Л. Шанявского и Высших Женских курсов Н.К. Кольцов. Важно отметить, что

²² Павлова О.А. Русская литературная утопия 1900–1920-х гг. в контексте отечественной культуры. С. 11.

²³ Чайнов А.В. Путешествие моего брата в страну крестьянской утопии. С. 267.

в Университете Шаняевского в это время преподавал и Чайанов. Область его научных работ косвенно могла быть связана с работами Института экспериментальной биологии (см., например, «Организацию крестьянского хозяйства» (М., 1925).

В 1920 году в Москве, при Институте Экспериментальной Биологии (И.Э.Б.) было образовано Русское евгеническое общество. Направлениями работы Общества было изучение фено- и генотипов человека, соби- рание и реферирование литературного материала по вопросу о значении биологических факторов в истории, анализ литературного материала по русским семейным хроникам. Велось евгеническое обследование русских выдающихся деятелей, преимущественно писателей, разрабатывались спе- циальные анкеты по обследованию наследственности тех или иных спо- собностей. При Обществе издавался «Русский Евгенический Журнал».

В работе «Улучшение человеческой породы» Н.К. Кольцов писал:

Порода всякого вида животных и растений, а в том числе и челове- ка, может быть изменена сознательно, путем подбора таких произ- водителей, которые дадут наиболее желательную комбинацию при- знаков у потомства. Для задачи действительно изменить, облагоро- дить человеческий род, это – единственный путь, идя по которому можно добиться результатов²⁴.

Идеи Кольцова, развиваемые им в трактате «Улучшение человеческой породы», очень близки тем, которые отразились в романе Чайанова. «Тот, кто получил от природы талант, не должен зарывать его в землю или тра- тить его исключительно на себя и своих современников: он должен пом- нить о высокой задаче передать этот талант через свое потомство буду- щим поколениям»²⁵. Одной из задач евгеники он видел «улучшение расы»:

...культурное государство должно взять на себя важную роль есте- ственного подбора и поставить сильных и особенно ценных людей в наиболее благоприятные условия. <...> Лучший и единственно

---

²⁴ Кольцов Н.К. Улучшение человеческой породы (Речь в годовичном заседании Рус- ского Евгенического общества 20 октября 1921 года) // Русская евгеника. Сборник оригинальных работ русских ученых (хрестоматия) / Под общей ред. В.Б. Авдее- ва. М.: Белые альвы, 2012. С. 137. (Сер. «Библиотека расовой мысли»).

²⁵ Там же. С. 165.

достигающий цели метод расовой евгеники, это – улавливание ценных по своим наследственным свойствам производителей: физически сильных, одаренных выдающимися умственными или нравственными способностями людей и постановка всех этих талантов в такие условия, при которых они не только сами могли бы проявить эти способности в полной мере, но и прокормить и воспитать многочисленную семью...²⁶

В своих работах Кольцов создал образ нового человека. Этот «сверх-человек, “Номо creator” – должен стать действительно царем природы и подчинить ее себе силою своего разума и своей воли»²⁷. Социальная политика должна стремиться к тому, чтобы в государстве были «развиты до совершенства типы физических работников, ученых, деятелей искусства и т.д., и все они в равной степени должны обладать социальным инстинктом, заставляющим их свои способности применять для общей пользы всего социального организма»²⁸. Воплощение подобных идей показал на страницах своей утопии Чайанов.

Поскольку вопрос о природе гениальности поднимается в крестьянской утопии, можно предположить, что писатель мог быть знаком и с работами екатеринбургского исследователя евгенических вопросов Г.В. Сегалина, который с середины 1920-х занимался проблемами психопатологии творчества. Сегалин организовал психотехническую лабораторию при Уральском университете и издавал «Клинический архив гениальности и одаренности». Ученый пытался объяснить феномен гениальности с позиций психофизиологии.

Вероятно Чайанов, включенный в научную и культурную жизнь России начала XX века, не только знал об евгенических теориях, но и тонко чувствовал теургическое стремление деятелей искусства к творению нового мира и изменению природы человека. Наверное, бравурные призывы Маяковского («Эй, вы! / Небо / Снимите шляпу!»)²⁹, само коренное изменение жизни в Советской стране для Чайанова было знаком создания

---

²⁶ Там же. С. 157.

²⁷ *Авдеев В.Б.* Идеология русской евгеники // Там же. С. 16.

²⁸ *Кольцов Н.К.* Улучшение человеческой породы. С. 150.

²⁹ *Маяковский В.В.* Облако в штанах: (Тетраптих) // Маяковский В.В. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 1. Стихотворения, трагедия, поэмы и статьи 1912–1917 годов / Подгот. текста и примеч. В.А. Катаняна. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1955. С. 173–196. С. 196.

нового Вавилона, забывшего о Боге. Не случайно в это время В.Е. Татлин создал свой макет «Башни третьего Интернационала» – «Памятник из железа, стекла и революции» (В.Б. Шкловский).

В «Путешествии моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» Чайнов предлагает свою, научно обоснованную программу развития страны, но показывает, что, создав вокруг себя идеально устроенный мир, человек может возгордиться, почувствовать себя способным совершенствовать и саму человеческую природу.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бьянко Д.* Брейгель. Сокровищница мировых шедевров. М.: БММ, 2012. 160 с.
2. *Казнина О.А.* Евразийский комплекс идей в литературе // Гачева А.Г., Казнина О.А., Семенова С.Г. Философский контекст русской литературы 1920–1930-х годов. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 214–287.
3. *Маяковский В.В.* Облако в штанах: (Тетраптих) // Маяковский В.В. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 1. Стихотворения, трагедия, поэмы и статьи 1912–1917 годов / Подгот. текста и примеч. В.А. Катаняна. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1955. С. 173–196.
4. *Павлова О.А.* Русская литературная утопия 1900–1920-х гг. в контексте отечественной культуры: автореф. дис. ... докт. фил. наук (10.01.01); Волгоградский государственный университет. Волгоград. 2006. 44 с.
5. Русская евгеника. Сборник оригинальных работ русских учёных (хрестоматия) / Под общей ред. В.Б. Авдеева. М.: Белые альвы, 2012. 576 с. (Сер. «Библиотека расовой мысли»).
6. *Соливетти К.* Утопия или метаутопия? // Вторая проза. Trento: Dipartimento di Scienze Filologiche e Storiche, 1995. С. 297–314.
7. *Скорospelова Е.Б.* Фантастика как способ художественной универсализации // История русской литературы XX века (20–50-е годы): Литературный процесс. М.: Изд-во Московского ун-та, 2006. С. 144–160.
8. *Чайнов А.В.* Путешествие моего брата в страну крестьянской утопии // Чайнов А.В. Московская гофманиада / Послесл. В.Б. Муравьева; Примеч. В.Б. Муравьева, С.Б. Фроловой. М.: ТОНЧУ, 2006. С. 217–275.
9. *Чертков Л.Н.* А.В. Чайнов как прозаик // Чайнов А.В. История парикмахерской куклы и другие сочинения ботаника Х. / Под ред. Л.Н. Черткова. Нью-Йорк: Руссика, 1982. С. 17–42.